

АНКЕТА ДЧ

Мы публикуем интервью с автором авторитетного учебника детской литературы *Ириной Николаевной Арзамасцевой*, которая любезно согласилась ответить на вопросы редакции.

Назовите классиков отечественной (и зарубежной) детской литературы.

— Буду называть триадами, чтобы не утонуть в именах и вместе с тем обозначить константы. Триады могут выглядеть иначе, в зависимости от дополнительных критериев, в ряду которых неизбежны личный вкус и настроение дня.

В русской поэзии — К. Чуковский, Д. Хармс (вообще обэриуты), В. Берестов, в прозе — М. Пришвин, А. Гайдар, В. Драгунский.

В зарубежной поэзии — Р. Киплинг, Доктор Сьюз, Морис Карем, в прозе — Льюис Кэрролл, Фрэнк Баум, Астрид Линдгрен.

По какому принципу вы их выделяете?

— Увы, мой принцип находится в совершенном противоречии со значением понятия «классик». Во-первых, это сугубо оценочное понятие, а значит безнадежно субъективное, исторически-субъективное. Если следовать точному значению, то придется ограничиться школьной программой, которая у нас традиционно строится на произведениях для взрослых и почти не представляет детских писателей. С начала XVII в. во французском языке слово *classique* стало означать «изучаемый в классах по программе». Именно к этому времени в европейских литературах определился корпус произведений, высоко ценимых многими поколениями и признанных полезным чтением для юных, — базис образовательно-воспитательных текстов сложился из сочинений древнегреческих и римских авторов, отцов Церкви. Всё, что выходило за круг школьной классики, если и допускалось, то с ограничениями и с постепенной осторожностью. Такие более современные авторы, как Мольер, Расин, Лафонтен, зазвучали на уроках и даже послужили «учителями» для «детских» авторов. И в дальнейшем классическая литература сохраняла свои позиции в детском чтении, при этом существенно влияя на специальную литературу для детей.

Возможно, в наше время понятие «классик» применительно к детским писателям приняло скрыто-ироничный оттенок. Ну как назвать классиком ленинградского маргинала, великолепного поэта Олега Григорьева или скромнейшую Раису Кудашеву с ее бессмертной «Елочкой»? Или мы называем Валентина Берестова классиком на том лишь основании, что почти все наши буквари заканчиваются его «Читалочкой»?

Назову свой выбор принципом культурно-исторического трансфера, под которым подразумеваю двойной перенос литературного феномена — из эпохи автора в следующие эпохи и обратно, из времени следующих поколений читателей в минувшую эпоху автора. В итоге читатели судят о минувшем времени по классическим книгам.

Итак, классиками можно назвать авторов, создавших некое множество выдающихся произведений, снискавших славу на протяжении времени, значительно превышающем время жизни автора. Причем именно множество, поскольку одно-два произведения не создают авторского интертекстуального поля, совершенно необходимого для того, чтобы в авторе признали феномен, имеющий значение для всеобщего просветительного блага. Произведения, созданные с детской адресацией, обладающие совершенной «детской» поэтикой, годные для всех, имеют следующие свойства:

а) перемещаться «по горизонтали» исторического времени и «по вертикали» читательского возраста (причем даже «снизу вверх», во взрослый дискурс, что гораздо сложнее, чем «сверху вниз» — от взрослых к юным читателям);

б) регенерировать свое содержание при архаизации современного им исторического и социального контекста, в иных культурных формах (при деактуализации социальной и бытовой конкретики);

в) временная протяженность культурно-исторического трансфера, которую способно в принципе «выдержать» произведение, определяется максимальной константой — промежутком между двумя научными революциями, это время одной научной парадигмы. Классики, творившие специально для детей, глазами непрофессиональных читателей начала XXI в. — это авторы, творившие в эпоху от Альберта Эйнштейна до Бернерса Ли, создателя Word Wide Web. Такие знаменитые писатели, как Д. Дефо, Х. К. Андерсен, Ж. Верн и многие другие, чьи имена приходят на ум как классические, не ставили своей задачей создавать произведения для юных читателей, имена же детских авторов XVIII–XIX вв. известны сравнительно мало.

По каким параметрам осуществлялась в дореволюционный период, в советское время и осуществляется сейчас ротация писателей, включаемых в пантеон «лучших детских авторов»?

— В России ротация всегда осуществлялась отнюдь не по эстетическим параметрам, а по практическим задачам государственного и общественного строительства, в решении которых писатели с определенной идеологической тенденцией могли принести пользу. Иначе не попадали бы в «запасники» книги многих отличных мастеров слова, а в школьные хрестоматии — наряду с шедеврами Пушкина и Гоголя не самые сильные тексты. Вспомним, как долго мучили школьников романом Горького «Мать», которым был недоволен сам автор? Зато лучшие рассказы Горького до сих пор школьникам неизвестны.

Хочется думать, что наступившая эпоха в конце концов расширяет и ломает этот вечный двигатель по производству «школьной» классики, но пока все идет по-прежнему, хотя разрыв между «школьной» литературой и детской литературой с ее огромными запасами стал просто чудовищным. Развитая сеть детских библиотек, где сосредоточена работа по мониторингу чтения, в принципе и есть та сила, которая способна это сделать, но для этого нужно перестроить систему отношений между школой и библиотекой.

Какие внешние факторы влияли на эту ротацию?

— Фактор, собственно, был и остается один — наша культура развивается в империи и пост-империи, то есть в условиях несвободы. Ничего оценочного в это определение я не вношу, просто данный фактор объясняет ужасный разницей, разноречивость в выстраивании перечней имен, а также зыбкость понятия «детский классик».

Какие принципы, на ваш взгляд, лежат в основе отбора авторов детской литературы для включения обзора их творчества в вузовские учебники?

— Из личного опыта могу сказать, что в основе нашей работы лежал субъективный принцип — вкус, интуиция. Был еще оговоренный, сознательный принцип — мы с С. А. Николаевой писали учебник студенческий, условившись «забыть» о преподавателях. Значит, принцип возрастной адресации тоже имел место. А значит, действовал и принцип учета вкусов студенческой молодежи, ориентирующейся на культуру авангарда и неоавангарда. Поэтому, скажем, Г. Сапгир был необходимой фигурой. При этом отбор имен

писателей XVIII–XIX вв. велся в том же направлении: это все авторы — новаторы и экспериментаторы. Потому Л. Чарской, например, отдельной главы дано не было, она все же автор вторичный, если не «королева пошлости», то «королева банальности». Подчеркну, что эти принципы отнюдь не носят абсолютный, идеальный характер. Вообще не стоит писать «заповеди для авторов учебников». Кстати, знаменитые «заповеди для детских поэтов» К. Чуковского появились в ответ на «Основные требования к детской книжке», разработанные горе-специалистами из комиссии ГУСа, и поначалу содержали в себе немало яда «медоточивого скорпиона». Поучительная была шутка, а все поверили и приняли всерьез и то и другое.